

**Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности**

Distr.: General
5 October 2021
Russian
Original: English

Генеральная Ассамблея
Семьдесят шестая сессия
Пункт 78 а) повестки дня
**Мировой океан и морское право:
мировой океан и морское право**

**Совет Безопасности
Семьдесят шестой год**

**Письмо Постоянного представителя Турции при Организации
Объединенных Наций от 30 сентября 2021 года на имя
Генерального секретаря**

В дополнение к моему письму от 13 июля 2021 года ([A/75/961-S/2021/651](#)) и со ссылкой на письмо Постоянного представителя Греции от 27 июля 2021 года ([A/75/976-S/2021/684](#)) я хотел бы, по поручению моего правительства, довести до Вашего сведения следующую информацию.

Вызывает сожаление, что Постоянный представитель Греции в своем письме, упомянутом выше, продолжает попытки оправдать продолжающееся существенное нарушение Грецией положений о демилитаризации Лозаннского мирного договора 1923 года и Парижского мирного договора 1947 года. Турция отвергает все содержащиеся в нем доводы и утверждения и хотела бы выделить шесть правовых аспектов, подробно изложенных ниже.

Во-первых, в статье 12 Лозаннского мирного договора 1923 года подтверждается, при условии демилитаризации островов, решение Лондонской конференции от 13 февраля 1914 года, в котором Греции были переданы некоторые острова Эгейского моря. Как следует из текста Лозаннского мирного договора и того, как он подтверждает решение 1914 года, суверенитет Греции над островами был и остается зависимым от демилитаризации. Утверждение о том, что суверенитет Греции над Восточно-Эгейскими островами не связан с сохранением их демилитаризованного статуса, не имеет под собой никакой правовой основы. Статья 12 Лозаннского мирного договора недвусмысленно устанавливает (частично через ссылку на решение 1914 года) четкую взаимосвязь суверенитета и демилитаризации всех Восточно-Эгейских островов. Статья 13 того же Договора далее определяет характер демилитаризованного статуса для островов Митилини, Хиос, Самос и Никурия, устанавливая ограничения, относящиеся к этому статусу. Что касается Лемноса и Самотраки, то из-за их близости к материковой части Турции на них (согласно Конвенции 1923 года о режиме турецких проливов) распространяется еще более строгий режим.

Во-вторых, Конвенция Монтрё 1936 года установила новый режим только для Турецких проливов: она не содержит конкретных положений о прекращении действия каких-либо ранее принятых положений о демилитаризации и обязательствах Греции. Как следует из преамбулы Конвенции Монтрё (и более широкого контекста), стороны этой Конвенции всего лишь договорились между собой о другом режиме в отношении Турции. Именно поэтому в преамбуле говорится только о регулировании прохода и судоходства в проливах в контексте безопасности Турции и (в отношении Черного моря) безопасности тех государств, которые являются прибрежными государствами по отношению к Черному морю. Ссылка на Черное море исключает Грецию и не затрагивает вопрос о безопасности этой страны. Поэтому Конвенция 1936 года никоим образом не могла прекратить или отменить обязательные для Греции положения по демилитаризации, изложенные в Конвенции 1923 года. Конвенция Монтрё 1936 года позволяет только Турции ремилитаризовать зону проливов: она не содержит такого положения (явного или неявного) для Греции.

В-третьих, политические обещания, сделанные вне переговоров или бесед между сторонами, не могут быть истолкованы как порождающие какое-либо правовое обязательство. Кроме того, как подчеркнула камера Международного Суда в деле о пограничном споре, необходимо проявить большую осторожность, прежде чем придавать какое-либо значение такому заявлению, если оно не было адресовано какому-либо конкретному получателю (*I.C.J. Reports 1986*, p. 554, at p. 574). В любом случае, государственная практика Турции на сегодняшний день и государственная практика Греции до 1960-х годов в отношении интерпретации положений о демилитаризации из вышеупомянутых документов лишают аргументы Греции силы в этом отношении.

В-четвертых, утверждение, что Турция не может ссылаться на содержащиеся в Парижском мирном договоре 1947 года положения о демилитаризации по отношению к Греции из-за того, что Турция не является его участником, юридически необоснованно. Парижский мирный договор 1947 года — это договор о демилитаризации *in excelsis*: в силу своего характера он является одним из классических примеров договорного документа, устанавливающего «вещественный режим». Как известно, свойство создавать такой режим, действующий *erga omnes*, приписывается договорам, которые наделяют территории особым статусом. Ярким примером является ситуация с Аландскими островами, демилитаризованными в соответствии с Конвенцией 1856 года о демилитаризации Аландских островов, приложенной к Парижскому мирному договору 1856 года.

В-пятых, что вытекает из четвертого, тот факт, что такие договоры создают вещественные режимы, был подтвержден Международным комитетом юристов, которому в 1920 году Совет Лиги Наций поручил дать консультативное заключение по правовым аспектам вопроса об Аландских островах между Финляндией и Швецией. Международный комитет постановил, что положения о демилитаризации «представляют собой особый международный статус, касающийся военных соображений в отношении Аландских островов»: это означает, что каждое заинтересованное государство «имеет право настаивать на их соблюдении» (*League of Nations Official Journal*, Special Supplement No. 3, 1920, pp. 15, 18–19). Согласно заявлению Международного комитета, Швеция, даже не будучи государством — участником Конвенции 1856 года, имела законное право требовать соблюдения положений о демилитаризации. В то же время Турция, как заинтересованное государство, имеет право настаивать на выполнении Грецией имеющихся у нее обязательств по демилитаризации. Турция также призывает другие государства — участники указанных договоров предложить Греции соблюдать положения этих договоров.

Милитаризуя острова, о которых идет речь, Греция утратила свое право отстаивать противопоставимость в отношении Турции вышеупомянутых договоров и прав, которые, по ее утверждению, вытекают из них. Как отметил Международный Суд Организации Объединенных Наций в деле Намибии, «сторона, которая отказывается выполнять или не выполняет свои собственные обязательства, не может признаваться сохраняющей права, которые, по ее утверждению, вытекают» из соответствующего документа (*I.C.J. Reports 1971*, p. 16, at p. 46). Международное право, несомненно, не допускает возникновения такой несправедливой ситуации, когда государство, не выполнившее свои обязательства, продолжает полагаться в своих целях на договор, обязательства которого оно само же и нарушает.

В-шестых, разочаровывает то, что Постоянный представитель Греции в своем письме предпочла выдвинуть абсурдные политические обвинения, связанные с региональным контекстом, вместо того, чтобы сосредоточиться на юридической аргументации. Помимо того, что эти обвинения обнажают слабость правовой позиции Греции, они отражают подход, оторванный от реальности. В этой связи они не заслуживают более подробного ответа.

Турция вновь призывает Грецию соблюдать касающиеся демилитаризации положения вышеупомянутых договоров и восстановить существовавший до ее нарушений демилитаризованный статус Восточно-Эгейских островов.

Буду признателен за распространение настоящего письма в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 78 а) повестки дня и документа Совета Безопасности, а также за его публикацию на сайте Отдела по вопросам океана и морскому праву и в следующем выпуске «Бюллетеня по морскому праву».

(Подпись) Феридун Х. Синирлиоглу
Постоянный представитель